

Я.Г. Риер

г. Могилев

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Как известно, изначальной формой общественной организации, сложившейся еще в первобытности, было общинное самоуправление. Оно складывалось в условиях совместного хозяйствования примерно равных по имущественному и общественному положению коллективов, проживавших компактно и связанных одинаковыми или близкими занятиями. Затем, уже в древности, когда в условиях усложнения хозяйственных и социальных связей стало формироваться обособленное правящее сословие, возникла иная форма управления, получившая название *государственной*. При этом постепенно сложились две основные формы государственного управления, связанные с разными цивилизационными основами [1; 2, С. 12-16].

Одна из них – авторитарная, основанная на авторитете вождя, патриарха. Она повсеместно перерастала в различные формы монархий с преобладанием вертикальных связей и стремлением к жесткой централизации. С них, по сути, и началась история государственности еще в III-II тыс. до н.э.

В дальнейшей истории, в большинстве регионов человеческой ойкумены получили развитие монархические формы правления, при

которых местное самоуправление, сохранявшее традиции первобытных общин, постепенно изживалось, а нередко и насильственно подавлялась. Ибо руководство с помощью профессионального чиновничьего аппарата, необходимого при централизованном управлении, несовместимо с самостоятельностью отдельных личностей и коллективов. Учитывая территорию распространения таких форм правления, их условно можно назвать восточными. Они преобладали в Азии, Африке, Восточной Европе.

Другие формы правления, в которых самоуправление не только сохранялось на уровне общин, но и вписывалось в государственное устройство, уже в древности с наибольшей полнотой воплотились в античном обществе – в древних Греции и Риме. В силу природных, демографических и экономических условий здесь остались небольшие хозяйственные ячейки. Они и сохранили традиции самоуправления, основанные на горизонтальных связях. Возможности ведения индивидуального, самостоятельного хозяйства способствовали формированию и укоренению частной собственности, а также пресекли политическое возвышение знати. Последняя сложилась, но не стала монопольным владельцем источников существования, прежде всего, в тех условиях, – земли. Это предопределило формирование представительной демократии всех свободных собственников.

Восточные формы управления, противоположные античным, сложились в силу все тех же природно-демографических и экономических условий. Ведь, как известно, на большинстве территорий Востока выживание людей делало необходимой концентрацию усилий для очень трудоемких работ по ирригации. Наличие огромных степных пространств, населенных кочевниками, требовало от оседлых земледельческих цивилизаций (те же Древний Египет, Месопотамия, Древние Индия и Китай) постоянного напряжения всех сил для отпора подвижным и воинственнымномадам. Все вместе взятое вело к установлению централизованных систем управления. В таких условиях не сложилась и хозяйственная самостоятельность производителей. Даже знать ее не имела. Не сложилась и частная собственность на недвижимость, хотя попытки создать ее, особенно в среде знати, были, что и составляло основу многих коллизий в истории Востока. Точнее, частная собственность на Востоке была, но она не гарантировалась законами и владение ею зависело лишь от воли (прихоти) верховного правителя.

Нынешнее европейское общество стало формироваться на заре средневековья, полторы тысячи лет назад. Тогда на развалинах имперского

Рима в Западной Европе начали возникать ранние германские государства. Они создавались военными вождями (конунгами-королями), опиравшимися на верные им дружины. В этих военизированных организациях были сильны элементы первобытной демократии: выборность предводителей, в том числе королей, добровольное подчинение им в бою и товарищеские отношения в повседневной жизни. Хотя постепенно королевская власть становилась наследственной, отношения сотоварищества между воинами разного ранга сохранялись долго, что и стало одной из основ европейского рыцарства и так называемой вассально-ленной системы.

Эта отношения как бы “подпитывались” демократическими тенденциями народного самоуправления основной массы тогдашнего населения – крестьян-общинников. В силу ряда обстоятельств, прежде всего географических, в германских общинах еще в первые века новой эры начали усиливаться хозяйственные права отдельных семей, что постепенно привело их к самостоятельности вплоть до права отчуждать принадлежавшие им земельные наделы в собственность (аллоды). Такая самостоятельность в сочетании с правами собственников сформировали привычку к организации самоуправления через взаимное признание прав с подчинением не силе, а совместно принятому решению. Эти традиции влияли и на организацию господствовавшего сословия, ведь рыцари, как и военные вожди-короли тоже, в конечном счете, были выходцами из крестьянской среды и являлись владельцами аллодов. По мере развития государственности и укрепления институтов власти указанные традиции сдерживали естественное стремление правителей к неограниченной власти и на общегосударственном, и особенно, на местном уровне.

Показательно, что там в Европе, где центральная власть укреплялась медленно, а крупное землевладение не получило должного развития (Скандинавия), местное самоуправление сохранило континуитет в своем развитии с древности до нашего времени. Сохранению традиций самоуправления способствовало и наличие широких слоев свободных крестьян (Англия, Нидерланды, Швейцария).

Тем не менее, средневековая, феодальная Европа, прошла через период приближения к восточным формам управления (средневековые европейские монархии). Но все те же природно-демографические особенности, а также экономический и правовой опыт античности, сохранили определенную хозяйственную самостоятельность отдельных субъектов и постепенно традиции гражданского общества, основанные на частной собственности и связанным с ней местным самоуправлением

восторжествовали, что и обозначило переход от феодализма к буржуазным порядкам.

Показательно становление и развитие западноевропейского городского самоуправления. Оно выросло из те же сельских общинных порядков. Но если сельский мир был, в конечном счете, подчинен феодалами, города изначально формировались и развивались как сообщества свободных равноправных собственников. В городах создавались различные модели местного самоуправления – от производственного или профессионального (ремесленные цехи, купеческие гильдии) до административного и судебного (в масштабах кварталов или городов), и даже политического (города-государства).

Общественное развитие Европы к востоку от Эльбы-Одера шло иным путем. Здесь, опять таки, в силу природно-демографических условий, изначально оказались крепкими общинные связи. Индивидуальные крестьянские хозяйства с правами отчуждения земельных наделов не сложились. И лишь постепенно, уже в начале II тыс. н.э., в западнославянских государствах стали формироваться формы местного самоуправления на “немецком праве”.

Драматичным было развитие Византийской империи. Унаследовавшая античные традиции, она все более “овосточивалась” (И. Бродский): на нормы римского права накладывались развивавшиеся самодержавные порядки, что уже во времена Юстиниана выразилось в максиме – “что угодно императору, то имеет норму закона”. В результате, если западноевропейская модель общественной организации способствовала динамичному развитию региона, Византию охватил застой. Но, как заметил А.П. Каждан, “Византия стала отставать не только потому, что Западная Европа ушла вперед. Видимо, византийская цивилизация исчерпала заложенные в ней возможности. В новых условиях византийская государственность с ее традиционностью, возведенной в принцип, с ее негибким административным аппаратом оказалась не в состоянии противостоять натиску с запада и с востока. Ее слабость проявилась в XI в., когда бюрократическая организация управления достигла максимального расцвета... События этого столетия знаменовали крах византийской бюрократической централизации”[4].

Отличалось и развитие Восточной Европы, основные пространства которой не знали рассмотренных выше западных традиций самоуправления. Здесь, в средневековой Руси, не выделились основные носители идеи самоуправления – мелкие собственники в крестьянских общинах.

Поэтому княжеская власть, формировавшаяся на тех же дружинных традициях, что и на западе, превратилась в монопольную, которая регулярно подавляла очаги местной инициативы. Городское самоуправление, поэтому, тоже не сложилось. На укреплении княжеской власти сказалось монгольское завоевание большинства территорий древней Руси.

В итоге здесь сформировалась восточная модель управления. Традиции восточной, деспотической системы с подавлением прав личности стали привычными, укоренились в традиции, развились на уровне ментальности, то есть впитались в повседневную жизнь людей. Лишь в оказавшихся вне пределов досягаемости монголов Пскове и Новгороде сохранялись традиции вечевого строя, восходившие к древним народным собраниям. Но усилившееся деспотичное Московское государство, в конце концов, сумело подавить самоуправление и в этих анклавах.

Схожим было и положение в белорусских землях. Как и везде у славян, прочная община, не позволявшая крестьянам становиться собственниками своих наделов, воспрепятствовала формированию слоя самостоятельных хозяев, способных отстаивать свои интересы. Незначительные западные веяния, проникавшие на наши земли в позднем средневековье через такое промежуточное и противоречивое образование, как Речь Посполитая, были напрочь изжиты после включения белорусских земель в состав России. Это относится, прежде всего, к начавшим у нас складываться традициям местного, особенно городского самоуправления на основе магдебургского права (Могилеву оно было даровано в 1577 г.).

Знаменитый теперь своими сбалансированными демократическими процедурами Литовский статут – продукт самоотверженной деятельности группы интеллектуалов, прошедших школу западноевропейского гуманизма – не стал органичным для широких слоев тогдашнего общества так же, как и идеи демократии у нашего современного электората. К тому же, представляется, демократизм этого документа скорее близок не современным нормам, восходящим к появившимся позднее, в XVIII в. идеям “общественного договора” Монтескье, а к английской “Великой Хартии вольностей” начала XIII в., рассчитанной на права свободных полноправных собственников, кои в средневековых обществах составляли лишь меньшинство населения (основная масса населения – зависимые крестьяне – могли участвовать в самоуправлении лишь косвенно, опосредованно). Но в Англии идеи Хартии во второй половине XIII в. все таки соединились с традициями самоуправляющихся общин и возник Парламент. У нас же для укоренения идей элиты

ВКЛ не было необходимой базой и в народных представлениях, и в практике устройства повседневной жизни [3].

И наоборот, там, где свободные собственники преобладали: в западноевропейских городах – бюргеры, а в Швейцарии и Скандинавских странах – и крестьяне, там самоуправление существовало и развивалось и в условиях сосуществования с феодальными монархическими режимами, став основой современных демократий.

Таким образом, там, где природные и хозяйственные условия позволяли сохранять и развивать традиции самоуправления, формировались демократические формы государственного устройства. В условиях же, требовавших концентрации всех ресурсов, складывались и развивались деспотические формы правления. Дальнейшая история человечества демонстрирует динамичное развитие именно демократических обществ. Альтернатива этой форме государственной организации – застой, который и демонстрируют традиционные общества Востока уже не одно столетие.

Литература

1. Риер Я.Г. Средневековые цивилизации: проблемы классификации // Веснік МДУ. – 2001. – № 4 (10). – С. 27-43.
2. Риер Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. – Могилев, 2003.
3. Риер Я.Г. Приднестровье в средние века // Lietuvos Archeologija. – 2001. – No 21. – P. 293-298.
4. Каждан А.П. Два дня из жизни Константинополя. – СПб., 2002. – С. 26-27.